
Даниэль Грэйн
Добрая мачеха
18+

Даниэль Брэйн

Добрая мачеха

Серия «Матери-попаданки», книга 4

https://litres.ru/73771109
SelfPub; 2026

Аннотация

Марьяшу без спроса выдали замуж — засиделась в девках, пора и честь знать. У бесприданницы и сироты под чужой крышей жизнь не мед: бьют — терпи, мужа пуще отца родного почитай, свекрови перечить не смей, родне в ноги кланяйся. А коли за два года не понесла, так место твое со свиньями в холодном сарае.

Я тоже была сиротой и голодранкой. Я выстояла, не сдалась, многому научилась, я превосходно держу удар. Но я все та же Марьяша, купеческая вдова, мачеха, хозяйка паршивой лавки и рухляди под названием «дом».

Я проживу еще одну свою лучшую жизнь, чего бы мне это ни стоило.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	19
Глава третья	29
Глава четвертая	42
Глава пятая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Даниэль Брэйн
Добрая мачеха

Глава первая

Не успела я сделать шаг, как на меня набросились хищники.

– Такси! Такси недорого! Такси! Вам куда? Такси!

– Мне недалеко, спасибо, пешком дойду, – пробормотала я, отвыкшая за последние годы от такого напора. И, доказывая серьезность намерений, поправила лямку рюкзака и направилась вдоль здания терминала.

За спиной разъехались стеклянные двери, голодная стая кинулась к новой добыче. За мной еще метров тридцать бежал самый настойчивый, продолжая демпинговать, и я не могла решить, перетерпеть или послать его к черту. Таксист отчаялся и отстал.

Самолет заходил на посадку, и облака толпились над побережьем, но город будто обрадовался, что я вернулась, за двадцать минут с неба разогнало хмарь – неверная южная погода! Яркие солнечные лучи пробивались сквозь дорогие поляризационные линзы, и слезы сами собой наворачивались на глаза.

Я постарела, а город помолодел, все изменилось до

неузнаваемости. А я убеждала себя, что у меня нет сердца, что ничего я не буду чувствовать от того, насколько чужим мне стал родной уголок на улице с выщербленным асфальтом.

Я помнила пышные виноградники, трескучие мотоциклы с колясками, запах парного молока, крикливое радио. В последний раз дребезжал звонок, успевшая прожариться под весенним солнцем школа закрывалась до сентября, и улицы заполнялись отдыхающими, на пляже яблоку негде было упасть, к зданию аэропорта с шести утра тянулись люди в надежде получить заветный счастливый билетик.

Сараи, в которых зимой жили куры, а летом – туристы, снесли, поставили на их месте картонные двухэтажки с гордыми вывесками «гостевой дом», а самые самоуверенные владельцы нарисовали еще и звезды.

Но комнаты оставались такими же «дикими», туристы – горластыми, но невзыскательными, им достаточно было кроватей, которые помнили «Пионерскую зорьку», мягкой мебели, пережившей лихие года, и покрывал, вытащенных из бабушкиных шкафов.

Я шагала по дорожке к такому вот самострою. Что тридцать пять лет назад, что сейчас никому ни до чего не было дела. Отзывы я прочитала от скуки, пока ожидала посадки на рейс. Гостевой дом назывался в лучших традициях последних лет – «У Прасковьи», туристы же, разочарованные соотношением цена – качество, с неймингом разобрались быст-

ро, вникнув в самую суть.

Прекрасных принцев мне не досталось, а сердце разбито все равно. Как можно скорее закончить со всем и уехать, и никогда во сне больше не видеть ни улицу с виноградниками, не бредущую вдоль дороги корову, ни море, уставшее к октябрю от людей.

Возле калитки курила накрашенная девица с бейджиком.

– Бронировали? – не здороваясь, спросила она. Я помотала головой. – «Люкс» в мансарде остался, но дорого. Пять пятьсот.

И она уставилась на меня, прикидывая, хватит ли у меня денег на пару ночей.

– Я к хозяевам, – так же без приветствия хмуро отозвалась я. Девица растерянно оглянулась на гостевой дом. – Мне нужна Марина Серегина.

– А-а, – настороженно протянула девица, и на лице ее появилось подобострастие. – Я скажу Марине Георгиевне, что вы приехали. Как вас представить?

– Представьте меня в благостном настроении. Так будет лучше для всех.

Оставив девицу разгадывать эту загадку, я прошла в калитку. Жизнь некогда снисходительно спросила, чего же я от нее хочу, я, гордо вздернув голову, объяснила. Жизнь подивилась, но исполнила. Прошло тридцать пять лет, и вот я здесь.

Иду по тропинке, по которой бегала мимо жилых сараев,

и дамы в бигуди посматривали на меня недовольно из общей открытой кухни или распахнутых настежь дверей клеток с двумя продавленными топчанами. Мужчины дымили за старым столом, покрытым прожженной клеенкой, и ждали, когда их пузатым величествам принесут жирные щи.

Я иду в дом, которого больше нет, в жизнь, которой давно не стало.

Мне было четырнадцать, когда пришли трое хмурых мужчин в пропахшей дымом одежде. Мы никогда не запирали двери, но эти трое стучали, и я открыла, недоумевая, зачем стучать в открытую дверь, а бледная как полотно мачеха сползала по стене. Вот здесь была та самая незапертая дверь, а теперь вся стена отделана пожелтевшим сайдингом. А здесь мы прощались с отцом, и во двор, загнав туристов в сараи, набились все пожарные города. Какой-то отдыхающий ухарь, услышав траурный марш, кинулся подпевать, и дядя Володя, папин сослуживец и лучший друг, набил весельчаку синюю морду.

Деревья – те же или другие выросли за столько лет? – громко зашелестели, ветер пронесся по двору, поднял пыль, выхватил бумажный стаканчик из переполненной урны. Мимо меня прошла семья, торопясь с пляжа – мужчина лет тридцати пяти, девочки младшего школьного возраста и женщина, обернувшаяся ко мне с завистью в глазах.

– Рюкзак у нее какой крутой, – сообщила она мужу, удивительно верно назвав редкий и дорогой бренд. – Тоже такой

хочу.

– Перебьешься, – исчерпывающе ответил муж, и я получила злобный взгляд, а потом женщина исчезла за дверью.

Я подождала немного, поднялась на крыльцо, взялась за ручку.

Был план – окончить школу, отучиться в институте и каждый день начинать с «доброе утро, класс», смотреть на море за крышами и выводить на доске безупречные формулы.

Но мачеха не простила отца за то, что погиб, исполняя свой долг. Она не хотела прощать меня, я стала для нее внезапно обузой, мне нужно было повзрослеть и снять с нее обязанности, которые ее тяготили: уход за курами, уборку комнат, готовку, возню с капризной младшей сестрой. Мачеха решила, что настрадалась достаточно, и разругалась вусмерть с сестрой отца, которая предложила продать дом и переехать к ней за двести километров, купить квартиру. А следующей была я – хабалка, хамка и белоручка, неблагодарная тварь, не хочешь жить по моим правилам, так проваливай, у тебя больше нет дома.

Был декабрь, и город стыл от сильного ветра. Тетя, заместитель директора крупного универмага, персона по тем временам влиятельная, тряхнула связи, и меня взяли посреди учебного года в техникум «на бухгалтера». Всегда хлеб, сказала вечером тетя, утешая меня, а я обнимала ее в ответ и думала, что бухгалтерия – почти математика. И тетя права, можно жить.

Никто не подпустил студентку техникума к учету даже в «лихие девяностые», и я, нагло приврав о своем опыте в отрасли, устроилась администратором в небольшой, только что открывшийся частный отель.

За дальнейшую жизнь я повидала и убогие хостелы, и гостиницы, в которые людям с улицы доступ был запрещен, и ресепшн «Прасковьи» меня не удивил.

– Бронировали?

– Человека, пусть он просто зашел, нужно приветствовать так, словно он мать родная, – осклабилась я, глядя на женщину за стойкой. Вот они, тридцать пять лет. – И я имею полное право давать подобные советы… Марина.

– Господи, – выдохнула сестра и помрачнела. А может, это на улице солнце прикрылось тучами. – Что у тебя с лицом?

Ничего, пожала я плечами, всего-то лучшая клиника пластической хирургии в стране.

– Думала, я буду выглядеть на свои пятьдесят?

Я была против громкой свадьбы сына, но что делать, если невестка – восходящая кинозвезда. Я уступила, и Марина, конечно, видела меня на фотографиях. Видела, но не узнала.

Она бы ничего не узнала, но излишне борзый блогер написал, что Всеволод Морозов – сын владелицы авиакомпании «Up!» и отельера «Winter Hotels» Марьяны Георгиевны Морозовой.

Я полагала, что скрылась надежно. Имя здорово подвело.

– Я не думала, что ты приедешь, – занервничала Марина.

– Лелька, встань за стойку, там эта дура из третьего номера опять орет, что воды нет. Пойдем, Маша, чаю попьем. Все родные сестры. А зачем ты приехала-то вообще?

За нами закрылась дверь крошечного кабинета. Пахло клопами. За окном совсем затянуло небо, ветер проскрежетал ветками юного деревца о немытое стекло.

– Ну, ты просила немного денег, – светски улыбнулась я толстому неторопливому таракану. Определенно этот гражданин тут жил на всем готовом без оплаты туристического сбора. – Это раз. Два, это и мой дом тоже. Я бы сказала, мой отель.

Я блефовала. Участок и дом принадлежали мачехе задолго до брака с моим отцом. Когда тетя позвонила поздравить мачеху с Новым годом и узнала, что та три месяца как умерла, я уже открыла второй мини-отель в столице. А Марина, услышав мой голос в трубке, заявила: «И даже не вздумай приезжать, как ты в канаве еще не сдохла». Ну, нет так нет.

Но мне понравилось, как изменилось ее лицо. Не месть, слишком звучно для такой мелочи, но приятно, как жизнь все расставляет по местам.

– Зачем тебе… – прохрипела сестра, но тут же пошла в наступление: – Мать оставила завещание. Все принадлежит мне.

За окном сверкнула первая молния, потом громыхнуло. Пока еще осторожно, испытывая простых смертных.

– Ты разыскала меня, нашла мою почту, что, право, неуди-

вительно в наши дни, никакой конфиденциальности, – поморщилась я, прикидывая, садиться в сомнительной свежести кресло с пятном или нет. – Сказала, что жалеешь о нашем разрыве, что мы были молоды и глупы. Я, кстати, глупа не была, как ты догадалась. Ты сказала, что задолжала денег в бюджет, счета арестованы, я проверила, это так. Оставила мне телефон – надеялась, что я тебе денег переведу? Все полмиллиона? Чего так мало, диджей на свадьбе стоил дороже.

– Маша, мы же родная кровь.

Родными мне были отец, тетя и ее семья, хотела сказать я, но промолчала. Мой муж, курсант летного училища, а позже основатель авиакомпании. Мой сын, теперь и его жена. Ее семья мне станет родной, возможно, но не та, кто визжал и швырялся в меня тетрадками, пока мачеха орала – нахлебница, белоручка, убирайся. И десять лет – не возраст, который оправдывает безумие.

– Я денег тебе не дам, но выкуплю все как есть, со всеми долгами. Цена – триста тысяч, расходы на оформление пополам. Я сделаю здесь дом отдыха для сотрудников МЧС в память об отце. Взгляни, у них сегодня будет много работы.

Я повернулась к окну, и меня ослепила вспышка. Грохнуло прямо над головой, дом подпрыгнул, беззвучно лопнуло стекло, и я сквозь белые всполохи рассмотрела, как высокое старое дерево трескается и изнутри наливается желто-алым. Ветер и щепки влетели в разбитое окно, я еле успела зажму-

риться.

Остро пахло озоном и горелой древесиной, я наткнулась на что-то, не понимая, куда бежать. Сестра визжала, я шагнула назад. Убитое дерево разгоралось, кренилось, пламя становилось все крепче.

– Немедленно выводи людей! – заорала я, отшвыривая с дороги стул. – Сколько гостей в отеле? Сколько! Людей! В отеле!

Кто-то подполз ко мне, вцепился в ноги – кому же это еще быть! – и я дернула сестру за плечо вверх и отвесила ей оплеуху.

– Десять… девять… не знаю, сколько их там!

– Персонал?

Марина вырвалась и как была на коленях поковыляла к двери. Я бросилась за ней, успев увидеть, как дерево падает прямо на нас.

Чертов сайдинг, а под ним – дрянная фанера.

Я схватила телефон и нажала тревожную кнопку.

– Пожар на Приморской, двадцать три! – завопила я, услышав голос диспетчера. – Гостевой дом, есть люди, больше десяти человек!

– Принято, – диспетчер была воплощение хладнокровия. – Ждите.

Мне некогда было ждать. Крыша горела, дом шатался, и я молилась, чтобы мне это только казалось. Со второго этажа бежал знакомый мужчина с двумя девочками на руках, а его

жена на середине лестницы завизжала и кинулась обратно.

– Куда! Бегите на улицу! Бегите! Идиот, быстро! – крикнула я мужчине, и он послушался. Сестра голосила где-то на ресепшн, меня чуть не сбила полуголая озлобленная женщина лет пятидесяти с телефоном и документами в руках, и я, подбегая к лестнице, поставила «лайк» всему, что успела от нее услышать о бизнесе моей сестры.

Я дергала двери, которые мне попадались, часть была уже распахнута, и постояльцы неслись к лестнице, матеря гостевой дом. Мужчина тащил на руках бессознательную старушку и клялся оторвать Марине голову – я и ему поставила плюс. Эта дура даже не озаботилась наличием громоотвода, я еще подержу ее, мужик, чтобы она не сопротивлялась.

Женщина в панике кидала вещи из шкафов в чемоданы.

– Отель уже горит! Брось барахло!

– Иди ты знаешь куда? – вызверилась она, не отвлекаясь от тряпок ни на секунду. – Я это все заработала, в отличие от тебя!

– Детей сиротами хочешь оставить?

Я оторвала ее от чемодана и оглохла от верещания. Женщина была моложе меня и сильная, но для меня годы в спортзале не прошли зря, и я с трудом, но доволокла ее до двери.

– Пошла!

Я вытолкнула ее в коридор, и мир стал испепеляющим, будто дракон пыхнул на меня напалмом. Я вывалилась в затянутый едким пластиковым дымом коридор, и уже не было

времени выяснять, остался ли кто в гостинице.

Я совсем как мой отец, мелькнула у меня мысль. Он мог бы мной гордиться.

Раскаленный воздух обжигал легкие, дышать было нельзя, не дышать – невозможно, и все-таки я доползла до лестницы, но как летела с нее, уже не помнила. Просто в один момент истертое дерево исчезло из-под руки, меня швырнуло на что-то жесткое, что-то хрустнуло, но боли не было, лишь удушливая темнота. Глаза резало, словно я рыдала всю ночь напролет, а пекло пропало, и запах сменился на теплый, древесный, как от натопленной печи, и навязчиво кислый.

Я, зажмурившись, полежала какое-то время, надеясь, что все обошлось. Лестница не такая высокая, думала я, осторожно двигая руками, ногами, бережно поворачивая голову. Грудь давило, сильно саднило в виске, но это была единственная боль, которую я ощущала. Мне нужно встать и выбираться, пока старый дом не погреб меня под обломками. Я все еще слышала визги, крики и плач как сквозь вату.

– Батюшка! Батюшка, пощадите! Батюшка, не надо, я не хочу! Пожалуйста, нет!

Голос был молодой и затравленный, и я, пребывая между жизнью и смертью, подумала – не закрыли же кого-то специально в горящем доме? Но к мольбам примешивался неразборчивый мужской бас, крики, похожие на карканье, и я открыла глаза.

– Матушка! Помогите мне! Пожалуйста, нет, я не хочу!

Голова кружилась, перед глазами складывались в линялый пазл выцветшая стена, стол со стряпней, стоящие в ряд венские стулья с потертой обивкой, все это мешалось с белыми вспышками – молния, это была молния, а после – пожар. Крики девушки превратились в истерические рыдания, громыхала мебель, и я наконец попробовала встать.

Капля крови шмякнулась с разбитого лица на кружевные рукава. Я опустила взгляд ниже, увидела пышную юбку, ободранный сизый ковер, некогда роскошный паркет. До двустворчатой двери, откуда неслись душераздирающие крики, мне нужно было пройти всего ничего, но тело, как не мое, не подчинялось.

Это галлюцинации. Я уже в реанимации. Все хорошо. Мертвые галлюцинаций не видят. В палате интенсивной терапии я могу делать все, что хочу, при условии, что смирно лежу на своей кровати, подумала я, поэтому распахнула дверь.

Грузный мужчина лет пятидесяти, но в целом я не могла определить, сколько ему лет, повернулся ко мне и выпустил из рук рыдающую добычу. Юная девушка в белом платье тут же вцепилась в ножку стола, но поняла, что никто ее больше не держит, и забилась под стол, потеряв старенькую туфлю. К стене жались две перепуганные, заплаканные девочки помладше, и тощая, как жердь, старуха в побитом молью чепце, опираясь на клюку, смотрела на меня колючими темными глазами.

Мужчина тяжело задышал и шагнул ко мне. Со старухой он был одно лицо.

– Ах ты дрянь, – проревел он, с угрозой поднимая руку, – платье заляпала! Настойку нашла? Настойку нашла, спрашиваю, паршивка? Или тебе сызнова морду разукрасить?

Он замахнулся на меня и в момент сложился, как старый сундук захлопнул крышку. Завыть он не смог и корчился, пуча глаза и задыхаясь от боли. Я переступила через упавший с его головы картуз и подошла к девушке в белом платье.

– Матушка, – прошептала она одними губами, глядя на меня из-под стола. – Не губите, матушка. Не велите мне замуж идти!

– Акулька! Рот свой закрой! – опомнилась старуха, замахнулась клюкой и не швырнула ее в нас лишь потому, что не устояла бы на ногах. – Тебя, ледащую, осчастливили! Марьяшка, вон пошла, ишь осмелела, мозгля пустотелая!

– Убью!.. – очнулся мужик, и я быстро оглянулась. Дар речи к нему вернулся, но удар у меня поставлен великолепно, запас по времени есть.

– Быстро в комнату к себе, – приказала я невесте. – Девочек забери и запритесь там. Ну! Живо!

Разбираться, кто кому матушка, я буду после.

– Убью, Марьяшка! – взвыл мужик, и невеста испуганно завизжала, но выбралась из-под стола, вскочила, увернулась от старухи, опять замахнувшейся клюкой, и белым облачком

пропала в дверном проеме. За ней кинулись младшие девочки, я мгновенно сориентировалась и, пока мужик, шатаясь, выпрямлялся, отпихнула старуху в кресло и вырвала у нее клюку.

Кнут эффективней пряника, если нужно себя защитить, отстраненно думала я, глядя, как мужик ковыляет ко мне на широко расставленных ногах и орет дичь. Может быть, его никто никогда не бил в пах ударом голени, но он уже прикинул, что палка в моей руке ему не сулит ничего хорошего, и решил принять меры заранее. Я спокойно подождала, пока он протянет пятерню, чтобы выхватить из моего сознательно неумелого замаха клюку, и расстояние между нами станет достаточным для удара пальцами в шейную ямку.

Мужик схватился за горло и захрипел, я с силой толкнула его в грудь и, уже не смотря, как он рухнул, повернулась к старухе.

– Марьяшка! – прошипела она сквозь зубы, полосуя меня слепой яростью. – Гадина! Со свету сживу!

– Ну вот, первый урок усвоен, – удовлетворенно кивнула я. – А палка побудет у меня.

Пока не выйду из комы, она мне понадобится. Я, подивившись собственной удали, но не слишком – во сне мы все молодцы! – хотела уйти за девочками, но кто-то заколотил во входную дверь.

– Антипка! – завопили на улице несколько голосов, и дверь вместе с домом содрогнулись от мощных ударов. Ви-

димо, били со злости и ногой. – Открывай, лисий сын! Отворяй, не то худо будет!

Глава вторая

Лицо старухи окаменело, из чего я заключила: кто бы снаружи ни орал, ничего хорошего их визит не предвещает. От ударов дрожал дом, и над столом, за ножку которого только что как за соломинку хваталась несчастная девчонка, раскачивалась пыльная, лишенная половины хрустальных цацек люстра.

– Антипка, смерд! Отворяй!

Я перехватила клюку, хотя старухе она была, несомненно, нужнее, и, напоследок бросив взгляд на хрипящего мужика, направилась за девочками. Поверженный Антип сипел угрозы в мой адрес, я бодро улыбалась сама себе. Еще один сильный удар, и входная дверь оглушительно грохнула о стену.

Сбежать я не успела, но выгодно оказалась за креслом старухи.

– Песий потрох! Гляди, Фока, он уже нажрамшись! – и здоровенный, по-праздничному одетый бородатый мужик широким шагом прошел к Антипу и рывком поднял того на ноги.

Антип шатался, высоченный мужик его обнюхивал с подозрением. Такую тушу мне не одолеть несмотря на все, чему меня когда-то учили, подумала я и начала отступать, пока меня не заметили. С улицы тянуло прелой гнилью, последний из вошедших мужчин закрыл дверь. Я оказалась в ло-

вушке, одна против целой банды: старуха, Антип и четверо крепких мужиков.

– А! Мамка! – повернувшись ко мне, гаркнул нарядный здоровяк, выпустил Антипа, и тот повалился на пол мешком с дерьмом. – Где невеста? Припрятала? А ну тащи ее сюда!

Я набрала в рот воды и молчала. Со мной ведь ничего не случится, так? Никто не может пострадать в собственном сне. В крайнем случае я проснусь.

– А у Марьяшки поспрашивай, поспрашивай, батюшка Федор Кузьмич! – мерзенько захихикала старуха, по-черепашьи втягивая шею в плечи. – Белены наша матушка накушалась, девку спровадила, говорит – свадьбе не бывать.

Так, предположим, я не говорила, но суть старуха уловила верно. Я, сжимая клюку, осматривала вломившихся в дом мужиков. С двумя, включая Федора, даже не стоит пытаться справиться, третий толстяк и выглядит неповоротливым, четвертый безусый мальчишка.

Мне остаются только переговоры.

– Не бывать, батюшка Федор Кузьмич, – с достоинством кивнула я и еле удержалась, чтобы не вытянуть старуху палкой по башке за неумеренно длинный язык. – Коли невеста против, неволить ее да силой принуждать не могу.

– Гляди-ка, как заговорила! – прогундосил самый толстый мужик, остальные согласно закряхтели. – И впрямь откушала белены. Марьяшка, не дури, веди девку. Люди собрались. Чай, Федор Кузьмич, батюшка-благодетель, в законные же-

ны Акулину берет. В шелках ходить будет, сальцо кушать, а то у вас суп из тараканов, и тот по светлым дням.

– Нет.

В собственном сне, пусть кошмарном, у меня все еще достаточно власти.

– Я тебе… – хрипло, будто его душили, заорал Антип, силясь встать на ноги. – Я тебе, курья башка, нутренности отшибу, седмицу ходить не сможешь! Веди Акульку! Веди, а не то…

Он с трудом поднялся, схватился за спинку стула, под его весом затрещавшего. На меня Антип смотрел с такой ненавистью, что я поняла – да, он меня изобьет до смерти, как только эти четверо уберутся. Я буду сопротивляться, может, мне повезет от него удрать, но тогда три девочки останутся с ним один на один. Старуха им не защита, даже наоборот.

– А не приведешь… – Антип повернулся к мужикам, и на лоснящейся харе была намалевана сальная сытость, – не приведет Акульку, так саму Марьяшку берите.

В наступившей тишине я слышала гаденькое хихиканье старухи, похожее на скрип несмазанных ворот, и размеренное тиканье ходиков. Руки и ноги сковал озноб, я на мгновение прикрыла глаза и решила, что наркоз уже ослабевает и вот-вот я приду в себя.

– Ты, Антип, – неуверенно дернулся толстый мужик, – гляди, тоже тронутый? Марьяшка же мужняя. Куда ее в жены?

– А и не в жены, – выдохнул Антип, переводя осатанелый взгляд с меня на незваных гостей. – Глядишь, посмирнее станет. А нет, так выкиньте ее в подворотне, одно от нее ни приплода, ни проку нет.

Толстый мужик побледнел, парнишка в ужасе разинул рот, третий мужик, державшийся в стороне, вышел вперед, и я с тоской убедилась, что он еще здоровее Федора.

Попробовать убежать? Допустим, у меня получится. А Акулина, что будет с ней?

Великан отодвинул Федора, навис над Антипом, секунду подумал и так шарахнул кулачищем по столу, что дерево затрещало.

– Подлый ты потрох! – удивился он, легко, как кутенка, приподнимая Антипа за шиворот. – Это что же, жену родную на потеху отдать готов? Это ты нас, почтенных купцов, за душегубов да за сквернавцев держишь? Это ты, волчий огрызок, девку за брата моего родного против ейного согласия отдавал? А? Марьяна, повтори как на духу – против?

Антип дергаться не пытался, болтался в хватке гиганта покорно, словно вся жизнь его стояла сейчас на кону, но может, он недалек был от истины. Я облизала пересохшие губы, не веря, что купчина не только не поволок меня на поругание и не велел притащить девчонку, но и нешуточно из-за обмана рассвирепел. Это было, конечно, почти что чудо.

– Против, батюшка, – со смиренным достоинством подтвердила я. Дышать получалось плохо, я все еще не верила

в благополучный исход. – Акулина плакала, идти не хотела, милости у меня просила – «матушка, не губи».

Матушка… неужели эта красавица, которой уже лет девятнадцать-двадцать, моя дочь?

– А чего «не губи»? – с досадой хмыкнул Федор, посматривая на брата, который продолжал держать Антипа на весу, а я гадала – надолго ли их обоих хватит, Антип уже начинал синеть. – Ясно, девке-то я не люб… Но чтобы неволить – такое, – он состроил благостное лицо и вытянул указательный палец вверх, – Сущая Матерь не благословит. Чего, чего ты там, Антип, бормочешь?

Брат Федора брезгливо стряхнул Антипа с руки, и тот, ощипываясь, как курица, мгновенно залебезил:

– Сказала бы Акулька, что согласна, Фока! Куда бы она, дурная, делась? Да я ее приве…

– А не спеши, – пробасил Фока Кузьмич и толкнул Антипа в плечо, тот екнул, но устоял. – Не спеши, задница свиная. Уговор какой был? Федор на Акулине женится, я тебе долг по-родственному прощаю. Так было дело? – он уставился на Антипа, тот согласно затряс головой. – А как девка доброй волей замуж идти не желает, так, значит, тому и не бывать. Иди-ка, обсудим с тобой дела, обговорим, иди, иди, разговор у нас будет долгий…

Он развернул Антипа в сторону двери, за которой очнулась от беспамятства я, но затолкал его в комнату по соседству. За ним прошел и Федор, молодой парень и третий му-

жик остались. Дверь закрылась, и наступила тишина.

Я поискала, где тикает чертова бомба с часовым механизмом, наивно надеясь, что через это занудное «тик-так» прорвется долгожданный писк медицинского оборудования. Но как я ни напрягала слух, моля кого-то там, наверху, что насмотрелась достаточно и пора мне прийти в себя, – я видела грязную, неухоженную комнату с высокими облупившимся потолками, выцветшие от времени стены, пыльную паутину по углам и свежую трещину на старом, рассохшемся деревянном столе. Пахло кислым, перебивая все прочие запахи, и немного – печью.

Да, здесь топили печь. Закрыть глаза и на секунду представить, что мне снова двенадцать лет и я сижу за столом в своем доме, учу уроки, и все еще хорошо.

– Марьяшка стол накрыла, – миролюбиво проскрипела старуха, указывая на дверь столовой. – Подите, откушайте, чем богаты, уж не побрезгуйте. У купчихи Рогозиной на ее вон, – старуха ткнула в меня пальцем, – цацки последние теленка взяла. Не пропадать же теперь. Щец наварили, капустки кислой.

Купцы переглянулись, но спорить не стали, очевидно, догадываясь, что Федор с Фокой Антипа скоро не выпустят, и ушли. Я посмотрела на старуху, вышла из-за кресла, сунула ей в руки клюку и собралась наконец уйти.

– Девке, значит, своей судьбы не захотела, – в пустоту проговорила старуха, и я с изумлением уловила в ее голосе

нотки одобрения. – Ишь, как цесарка на коршуна кинулась, девку-то оберегая. А она же и не родная тебе, Марьяшка. Неужто саму себя не жаль?

Я обернулась. Старуха сидела ко мне спиной, я только макушку ее в чепце видела из-за спинки кресла и подходить для беседы не стала.

– Сживет тебя Антипка со свету, – убежденно продолжала пророчить старуха. – Сегодня же ночью и сживет. А спробуешь убежать – Акульке не жить. За расстроенную свадьбу сдаст ее Антипка в веселый дом, и поминай как звали. И пикнуть не сможешь, Марьяшка, супротив.

Да, старая ты калоша, ты права. Но лишь отчасти. И, несмотря на никуда не пропавшее желание приласкать старуху чем-то тяжелым, я потянула на себя неожиданно тугую дверь.

Из зала, где на последние деньги накрыла Марьяша свадебный стол, донесся глухой изматывающий кашель, там, где два брата расписывали Антипа под хохлому, было тихо. Он покладист, Антип, если применить к нему правильную мотивацию, а насколько покладистой окажусь я?

Фока и Федор испортят Антипу настроение окончательно, хотя он и без того до крайности взбешен, и я испытаю на себе, что значит быть мужней женой. Каково это, когда тебя бьют до полусмерти, а издать хоть звук значит подписать себе приговор и быть избитой уже до погоста?

Поднимается ли Антип по этой лестнице, такой ненадеж-

ной и шаткой, что даже мне не по себе? Что за пятно на облезлых обоях, так похожее на кровь, и вот еще застарелые пятна…

На втором этаже было так холодно, что я списала все если не на нервы, то на наркоз. Меня колотило, но я приказала себе остановиться, осмотреться и выяснить, что сквозит из щели шириной сантиметра три. Я присела, подобрав юбку, выглянула через прореху на улицу и увидела серую осень, палую, уже подгнившую листву и деревья, ловящие голыми ветками низкие тучи.

С первого этажа долетел неразборчивый вскрик, и я не поняла, кто орет – Федор, Фока или Антип, потому что обманутые кредиторы перестали с ним церемониться. Я, быстро поднявшись на оставшийся пролет, среди десятка дверей вычислила ту, за которой могли скрыться девочки.

Когда-то в двери был замок, но его безжалостно выломали, вероятно, топором. Я постучала, вместо шагов различила всхлипывание, постучала еще раз.

– Откройте! Акулина, это я, Марьяна. Не бойтесь. – Никакого ответа, и я позвала снова: – Откройте. Антип… отец сейчас с Федором Кузьмичом и…

Зря я назвала это имя, конечно, зря. Всхлипы перешли в рыдания, задвигалась мебель, и через минуту заплаканная, с опухшим личиком Акулина приоткрыла мне дверь.

– Матушка? – прошептала она, будто не чаяла меня вновь увидеть. – Матушка, вы…

– Ну, я пока жива, как видишь, – выдохнула я сквозь зубы, не скрывая нахлынувшего раздражения. Между дверью и стеной вряд ли протиснулась бы кошка, не говоря уже обо мне. Пара толчков, и щель стала достаточной, чтобы я смогла пройти.

– Матушка, я замуж… – умоляюще прохныкала Акулина, все еще в свадебном наряде.

Я посмотрела на младших девочек.

– Не пойдешь, – устало заверила я, рассматривая ее лицо и, к великому облегчению, не находя следов побоев. Но может, Антип перед свадьбой невесту берег. – Фоке Кузьмичу и Федору Кузьмичу не понравилось, что Антип тебя неволей отдавал.

Подпоркой для двери служил старый комод, и это девочки передвинули его с трудом и еле смогла отодвинуть я, а для Антипа труда зайти сюда не составит. А он зайдет, спустя полчаса, час, два, но зайдет, и горе тогда нам будет.

Обстановка в комнате непонятная, словно из дворцов стащили в эту халупу всякое разное. Три узкие кровати под покрывалами, шкаф, венские стулья, обитые на удивление дорогой, яркой тканью, гардины на окнах, подсвечники… я взвесила один, удовлетворилась. Банально прикончить мужа канделябром, но не бежать же вниз за сковородой.

Я, распахнув створки шкафа, оценила гардероб девочек. Нищета, сплошные обноски, ничего теплого нет. Убегать в промозглую осень – верная смерть. Время к вечеру, если мы

не найдем приют – а мы его не найдем и будем скитаться до рассвета, – то до утра не доживем. Ночи стылые.

– Кто выбил замок? – спросила я, и Акулина, разбиравшая затейливую свадебную прическу, выпустила косу из рук.

– Батюшка, – прошептала она, глядя на меня во все глаза, и взгляд ее настолько был полон страха, что я поняла – это не ответ на мой вопрос.

Подсвечник остался далеко, я не могла до него дотянуться и оборачиваться прежде, чем вооружилась бы хоть чем-нибудь, тоже не могла.

Глава третья

– Батюшка и выбил, – Акулина всхлипнула, прижав к губам ладонь, а меня от облегчения начало мелко трясти. Впрочем, расслабляться преждевременно. – Как в дом приехали, так и выбил. Негоже, чтобы от хозяина были запоры.

А вот эта новость – дерьмо. Я подошла к двери, выглянула в коридор. Не то чтобы на месте замков везде зияла дыра, скорее всего, запоры изначально были лишь в части помещений, но…

Историк из меня аховый, и я никогда не стала бы с пеной у рта не то что доказывать свою правоту, но даже высказывать мнение, зато я любила заглядывать в краеведческие музеи. Большинство традиционно находилось в старинных особняках с проходными комнатами, где уединиться можно было только в уборной, ну и прислуге везло.

– А что в этом доме было прежде? – щурясь в полутемный коридор, спросила я ровным, ничего не выражающим голосом.

Гостиница, здесь раньше была гостиница. Средней руки постоялый двор.

– Трактир с комнатами, матушка, – Акулина испуганно прикрыла рот рукой, и я подумала, что Антип не только меня учил за «непослушание». – Трактир ваш был. Забыли?

Нужно подвинуть комод обратно к двери. Какая-никакая,

но защита. Никакая, прямо будем говорить, самой себе врать смерти подобно.

– Я… плохо помню многое, Акулина. Твой батюшка дорого мне обошелся, – невнятно пробормотала я. – Брак с ним. Теперь, если он поднимет руку на меня или на кого-то из вас, ему не жить. Поняла? – я обвела взглядом девочек. – Вы меня поняли?

Средней девочке примерно пятнадцать, младшей не больше двенадцати лет. Худенькие, бледные, но не выглядят изможденными и избитыми. Может быть, еще не настал их черед, может, старуха лупит их розгами.

– Переоденься, Акулина. И вы тоже. Холодно в этих платьях.

Акулина обмолвилась – мой трактир. Мое наследство? Достался как приданое? Я провела рукой по еле держащемуся дверному наличнику и пошатала его. Что там старуха сказала – осчастливили меня?

– Вы голодные?

Акулина так поспешно замотала головой, что я сразу поняла – лжет. Средняя девочка, помедлив, гордо дернула плечиком, и только самая младшая врать еще не умела.

Пока купцы здесь, мы в безопасности. Даже не так: купцы – это безопасность, и почему я не подумала об этом раньше? Потому что никто не торопит меня в моем собственном сне, потому что я, наверное, изнемогла принимать множество сложных решений вне стен больничной палаты.

– Я сейчас спущусь вниз, – объявила я, чувствуя прилив адреналина и не очень понимая, как его объяснить, кроме как попытками реаниматолога вернуть меня к жизни. Брат, ты меня так заездишь, ей-богу, завязывал бы ты с экспериментами. – В столовой сейчас… компаньоны Фоки Кузьмича и Федора Кузьмича. Я надеюсь, что они все не съели, раз, и два – я попрошу их забрать вас… Тихо! Тихо!

Средней девочке пришлось зажать рот, чтобы она не кричала, и в ее глазах стоял настолько беспримесный ужас, что я осознала: просить купцов спасти их – единственно правильное решение.

– Я не знаю, что говорил вам Антип. Не знаю, как он пугал вас, но я уверяю – никто из этих людей никогда не причинит вам зла. – Я пристально смотрела в глаза девочки и дожидалась, чтобы она кивала на каждую мою фразу. – Они отказались от свадьбы, узнав, что Антип отдавал Акулину неволей.

Дополнять, какова была реакция на предложение отдать на потеху меня, я не стала. Они повидали от отца довольно, чтобы я еще добавляла.

– У них есть лавки, у них есть дети. Вас примут в доме, не бросят, – я отпустила девочку, имени которой так и не узнала, и вооружилась подсвечником. Девочки не проронили ни звука. – Комод не задвигайте пока.

Потому что он грохочет, лучше внимания не привлекать.

Теперь я смотрела на коридор иначе. Да, это бывший отель, трактир, постоялый двор, как угодно, построен он из

дерьма и палок, некогда отличался цыганской пышностью, рассчитан на мелких чиновников или быстро разбогатевших крестьян. Слышимость великолепная, и так как приватность ценили во все времена, он находится в проезжем месте или когда-то это место было проезжим. Владельцы не рассчитывали, что кто-то задержится тут надолго или вернется еще раз.

Братья Кузьмичи не уехали, продолжали потрошить Антипа, разговор шел на повышенных тонах. На лестнице казалось, что я слышу и кашель, и ворчание старухи, но на первом этаже я убедилась, что дверь в столовую нараспашку, а старухи и след простыл. Напряжение породило галлюцинации. Ничего, кроме размеренного, негодующего бубнежа Фоки, а Антип хоть бы пискнул. Может, он уже неживой?

Проверять я не стала, вышла в зал. Толстый купец застенчиво топтался у входной двери и обрадовался, увидев меня. Подсвечник я умудрилась незаметно поставить на стол.

– Ты, матушка, не гневись, – примиряюще попросил он. – И за стол спасибо.

Я стояла так удачно, что теперь видела, как в столовой старуха грейдером проходится по остаткам еды на столе, и капуста свисает из беззубой пасти. Чем бедней человек, тем сильнее он страшится прослыть скупердяем, чем больше денег на счету, тем проще плевать на чужое мнение.

– Поеду, – поклонился купец, прежде чем я успела рот открыть. – Мне, матушка, почитай, трое суток до дому.

Ладно, у меня остаются Фока и Федор, и я их не выпущу отсюда. Лягу на дороге, и без девочек они уедут только через мой труп. Бравада бравадой, а стоит надеяться, что они в самом деле не решат, что переехать меня благочестивей, чем спасать сирот от изувера-отца.

– И тебе спасибо, батюшка, – искренне улыбнулась я, помня, что он тоже встал на мою сторону. – Дороги тебе легкой. А… а где… – и я заозиралась в поисках парнишки.

– Уехал Родион, – отмахнулся купец. – Хворь напала. Ну, матушка, а тебе не хворать.

Он ушел, я выждала, пока он звучно понукнет лошадь и заскрипит колесо, и выглянула на улицу, попыталась рассмотреть затянутые сумерками окрестности. Разбитая мокрая дорога, скучающая пара лошадей, добротный крытый экипаж и никакого жилья. Антип не выйдет провожать гостей, но может пойти наверх, к девочкам, а я велела им не задвигать комод – планы мои приходилось менять чаще, чем ценники во время инфляции.

Поэтому я закрыла дверь. Старуха неразборчиво ругалась в столовой и колотила палкой о пол, но я к ней не пошла, у нищих слуг нет. Дверь кабинета распахнулась.

Антип, к сожалению, был жив и здоров, но вид имел многообещающий. Он тряс головой, как китайский болванчик, а когда посмотрел на меня, то словно запустил часовой механизм взрывного устройства, и я плюнула на все приличия и неприличия.

– Батюшка Фока Кузьмич! – воскликнула я как могла жалобно и бухнулась купцу в ноги. Колени пронзило болью, слезы брызнули неподдельные, а страдальческая гримаса вышла на зависть любой театральной приме. – Батюшка Федор Кузьмич! Не губите! Антип нас со свету сживет!

Тишина накрыла дом, как саваном, только ходики отсчитывали секунды до катастрофы. Большей ошибки в своей жизни я не допускала никогда.

– Возьмите в дом девочек прислугою! За детьми приглядывать, в лавке стоять, ткать, прясть умеют! – вдохновенно врала я, заламывая руки. – На кухне помогут, на базар сбегают, девки сильные, крепкие, работящие! Скотина если есть, за скотиной ходить могут…

Ни Фока, ни Федор на меня уже не смотрели, они таращились друг на друга, и я очень хотела заткнуться, но не могла.

– Шить…

Последнее слово застряло в горле острой иглой.

– Да что ты, матушка моя, удумала-то такое? – с сожалением глядя на меня, проговорил Федор. – Девок при живых отце-матери в работницы отдавать? Ты, матушка, по себе-то не мерь, куда тебе, сироте, деваться было? Али в работу, али в жены, так куда торопишься, девки еще в невестин срок не вошли, а Акульке кто, может, вскорости слюбится?

Ты не понимаешь, дружище, он нас убьет.

– Вы не понимаете, Федор Кузьмич, – прохрипела я, но… да, я не знаю менталитет этих людей и этого времени.

– Образуется, матушка, – пообещал Фока, и я украдкой покосилась на Антипа. Стоит, как Лель, свирель ему в глотку, униженный и оскорбленный, но закроется дверь за купцами, и нам конец. – Образуется, мы вон с Антипом договорились. Домом часть долга погасите, и то хорошо. Ну, бывайте. А что, Прокл да Родька уехали? Да и нам пора.

Поздняя осень вихрем влетела в дом, мгновенно выстудив душу. Купцы вышли, и Антип поднял на меня ласковый, предвкушающий взгляд.

– Дрянь, – протянул он, плотоядно облизываясь и потирая руки. – Вот дрянь, Марьяшка, но хороша! Не захотели тебя пользовать, а, Марьяшка? Да ничего, не забижайся, я за всех четверых тебя, подлую, отдеру. А ну иди сюда.

Он не успел договорить, а я уже мчалась к подсвечнику, мне оставалось руку протянуть, но я не успела. Антип сцапал меня за ворот платья, рванул так, что у меня потемнело в глазах, развернул к себе, размахнулся и залепил две сильные пощечины.

Ни привкус крови на разбитых губах, ни треск разрываемой ткани, ни надсадное несвежее дыхание уже не походили на сон. Антип измордует меня до смерти, и если я не выкручусь прямо сейчас, живой мне не быть.

Все, что я могла использовать как оружие, было далеко, старуха продолжала греметь посудой в столовой – чтобы ей подавиться, старой ведьме, она прикинется глухой, даже если я начну орать. Еще не поздно завопить, купцы далеко не

отъехали, есть вероятность, что они вернутся.

– Вякнешь или руки распустишь опять – Акульку в притон свезу сегодня же! – подтянув меня к себе и шипя прямо в лицо, пригрозил Антип. – Ишь, осмелела, блудня! Рот открыла! – и он швырнул меня на колени, другой рукой вцепившись мне в волосы.

Как бы больно мне ни было, я притворилась, что покорилась. Антип выждал, решил, что я сдалась, выпустил волосы, запыхтел, расстегивая штаны. Я судорожно вспоминала хоть один прием – как атаковать из такого невыгодного положения? Никто из моих добрых учителей не предполагал, что я не смогу отбиться, прежде чем окажусь на коленях перед противником. Длинное платье помешает вскочить, с ног такого громилу не сбить.

– Очумела с восторгу? – нежно поинтересовался Антип, снова хватая меня за волосы и заставляя взглянуть ему в глаза. Он ощущал себя моим полновластным хозяином, может казнить, может миловать, но помилование мне не грозит. – Ты, Марьяшка, коли ночь переживешь, считай, счастливица.

Как я выживала все это время? Я счастливица хотя бы уже потому, что избитая, униженная, но живая, а еще потому, что рука у меня не дрогнет.

Я опустила голову, стянула до колен штаны Антипа, нечистое исподнее, и кровь снова капала на кружевные рукава. Неряшливый, обрюзгший, вонючий, его счастье, что по мужской части не орел, иначе последствия будут куда серьезней.

Я трепетно вздохнула и нащупала под жирным пузом Антипа самое уязвимое место.

По визгу я будто кастрировала поросенка.

Не мешкая, я поднялась, добежала до стола, схватила подсвечник. Старуха с выпученными глазами выскочила из столовой, Антип орал дурниной, катаясь по полу, и духу прикончить его у меня не достало. У меня и вид с этим подсвечником был какой-то поруганный и жалкий, и, кажется, у меня ни на что не осталось сил.

Я замахнулась на старуху для вида и кинулась опрометью наверх. У меня уже нет времени переодеться, накину, что найду, и бежать отсюда, захватив девочек. И ругать себя нет смысла, так или иначе, ни я, ни Акулина не увидели бы рассвет.

– Бежим, бежим скорее! – придушенно закричала я, толкаясь в дверь. – Акулина, девочки, набросьте что-нибудь теплое на себя и бежим!

– Батюшка так кричит?

– Да и… черт с ним! – рявкнула я, перепугав этим «чертом» девочек сильнее, чем своим окровавленным видом и подсвечником. – Бежим, быстро! Шали накиньте!

– Батюшка умер?

Вот что ты будешь делать?

– Пока нет. Давай, скорее сюда. Шали возьмите!

Младшая девочка с плачем вцепилась в меня, не оторвать, Акулина и средняя девочка от меня шарахнулись и, пока бе-

жали по коридору, оглядывались в ужасе. Они успели переодеться, взяли шали, они меня послушались, но боялись намного больше, чем Антипа. Я для них – убийца их отца, а сложись иначе, отец стал бы нашим убийцей, но ненависть ко мне сильнее страха перед отцом, потому что я им не родная мать?

– Он убил, – разобрала я тоненький дрожащий голос и погладила девочку по голове. Сколько она повидала зла, не зная, с чем его сравнивать?

– Пойдем, – я потянула ее следом за сестрами и не сказала, что мы сейчас окажемся без крыши над головой. Бежать в комнату за чем-то теплым времени уже не было. Ничего, главное – выбраться на дорогу. Если тут был трактир, значит, дорога сохранилась. Может быть, уже ходят поезда, неподалеку есть станция.

Черная лестница, узкая, шаткая, утопала во мраке. Я выверяла каждый шаг и вслушивалась в отрывистые визгливые вопли, уже не столько болезненные, сколько злобные. Мужа придется добить. Завтра за мной явится городовой, а девочкам в любом случае будет лучше без отца-садиста. Бабка… со старухой они справятся.

Акулина в темном поношенном платье, в потрепанной длинной шали на плечах, ждала нас у двери.

– Сюда, матушка. Сюда, скорее. Осторожнее, матушка!

Предупреждение вышло своевременным, еще шаг, и я оступилась бы и рухнула в подпол. Там поджидали темнота,

запах плесени и крысиного дерьма, но, по крайней мере, безопасность. Я сунула подсвечник за пояс и, помогая малышке спуститься, услышала, как Акулина распахнула дверь на улицу. Я поежилась, прижала к себе младшую девочку, с затаенным дыханием следила, как Акулина спускается по лесенке и задвигает крышку.

– Думаешь, он нас тут не найдет? – спросила я, пытаясь хоть что-то различить в темноте. Платье на мне разодрано до живота, я полуголая, одежда малышки тоже какая-то тряпочка. Старшие девочки о ней не позаботились. Я на ощупь стащила с кого-то шаль, намотала ее на ребенка.

Акулина что-то двигала не слишком уверенно, но деловито. Я проморгалась – темно, хоть выколи глаз. Конечно, нас тут найдут. Вот вытащить всех четверых будет сложно. Марьяна дура, и Акулина не умней, что стоило спрятаться в подполе вместо того, чтобы вопить «не хочу замуж». Может быть, что-то это бы и дало. Какое-то преимущество.

– Я дверь открыла, как бы мы убежали, – еле слышно шепнула Акулина и села, я не видела куда. – А прошлый раз, когда мы тут прятались, батюшка на крышку камень положил. Пусть и в этот раз положил бы.

– В прошлый раз лето было, – отозвалась средняя девочка, и я поразилась, насколько у нее не по-детски обреченный голос.

Она права. В такой холод мы не доживем до утра, умрем от переохлаждения. Это просторное подвальное помещение

для хранения трактирных припасов. Здесь холодно даже летом, в жару, а сейчас это склеп, могила. Мы сами себе ее выкопали.

– Давайте сядем всем вместе, в кучку, и накроемся, – приказала я, нащупывая нечто, похожее на скамью. Я села на самый край, что-то острое впилось в бедро, я проигнорировала. – Давайте вторую шаль… Если нас не хватятся, выберемся попозже. И пойдем в город.

А если хватятся, будем действовать по обстоятельствам.

Где-то бесконечно далеко загрохотала мебель, зазвенело стекло. Хорошо, если Антип переколотит посуду, но с этого борова станется выбить оконные стекла. Малышка жалась ко мне, я сильнее натянула на нее шаль, обняла. Не позволять им засыпать, это важно.

– Мы, матушка, до города не дойдем, – обронила Акулина, и прозвучало это как обвинение. – До города отсюда далече. До тракта четыре версты.

Мы в западне. Быть может, мне стоило собой пожертвовать, мелькнула тяжелая мысль, но гарантировала бы моя жертва для девочек благополучный исход. Покончив со мной, Антип вытряс бы старших девочек из постелей и отправил бы их…

Стоп.

– Лошадь. Лошадь и экипаж.

Рано отчаиваться. Антип грозился отправить Акулину в притон, значит, имел такую возможность. Получится ли у

нас уехать отсюда? Вряд ли, если Акулина не умеет запрягать лошадь в экипаж.

– Телега, матушка, одна, – возразила Акулина. – Как мы ее у батюшки возьмем? Не вернем же.

Какого черта, хотелось заорать мне, девчонка думает о совести, когда жизнь ее на волоске.

– Ты запрягать умеешь?

Эта паршивка сейчас встанет на дыбы, начет строить великодушную, и я не ручаюсь за себя. Акулина не отвечала, я смотрела туда, где, по моим расчетам, должны блестеть ее зареванные глаза. Я выбесила твоего и без того не самого любящего отца, избавляя тебя от брака. Я просчиталась перед купцами – знать бы как! – пытаясь вас всех спасти. Мне нужно было, наверное, еще и распластаться перед насильником, чтобы ты наигралась в благородство.

– Акулина! Умеешь лошадь запрягать?

Она молчала, испытывая мое терпение. Всхлипывала младшая девочка, сопела средняя, Акулина на них негромко шикнула.

– Прикройтесь, матушка, – услышала я и от возмущения подавилась воздухом. – Негоже голой.

Да мне твоя шкура чуть не стоила головы!..

– Ночи дождусь, – озабоченно продолжала Акулина, и в мои несчастные уши ее речи лились как серная кислота. – Пойду к Василию Аникишину. Кинусь в ноги, коли я ему люба, пусть замуж берет.

Глава четвертая

Мелкая дрянь. Нет ничего хуже влюбленной дуры, но напрасно она считает, что все мои помыслы исключительно о ее женском счастье.

Прикрылась бы я с удовольствием, если бы Акулина подумала прежде о сестрах, заставила обеих переодеться и захватила с собой побольше теплых вещей. Но у этой трещотки, едва угроза миновала, в голове переключился тумблер с надписью «любовь до гроба». Гроба еще никому не удавалось миновать, но хотелось бы не завтра. И не в ближайшие лет пятьдесят.

– Я спросила тебя, лошадь запряга… Тише! – и я, на полуслове оборвавшись, прижала к себе неслышно похныкивающую малышку. – Тише! Ни слова! Молчите все!

– …ка! А, подлая? Марьяшка! Космы выдеру, так и знай!

Старуха сопровождала каждое слово ударом клюки и вопила хоть и злобно, но несколько неуверенно. Может, на улице стемнело настолько, что на лестницу старая карга соваться боялась, а может, справедливо сочла, что я и ей что-нибудь оторву, если мне будет нужно.

– Марьяшка! Ах ты тварь-то такая, ну что делать с тобой? Я кому сказала – сюда иди? От дрянь, от же дрянь!

– Ба!.. – звонко пискнула Акулина, и я ткнулась наугад, на звук, но сумела зажать ей рот. – П… сти… мт… матуш… –

она пыталась вырваться, мотала головой, но я была сильнее и злее.

– Если ты сейчас откроешь рот, – зашипела я ей, как надеялась, на ухо, – и Антип из-за тебя отправит сестер в… на… на улицу, я лично поеду к Василию Аникишину и расскажу, чья в этом вина. Твоя! Из-за тебя сестры окажутся на улице и умрут, поэтому. Сиди. Тихо. И держи рот на замке.

Малышка прижималась ко мне все сильнее и уже начинала мелко дрожать, и я не знала, замерзла ли она или просто испугана. Я не могла ее приобнять, попытаться согреть, обе руки у меня были заняты пытающейся вывернуться Акулиной, и я уже была не рада, что не дала ее выдать замуж. Не так и плох Федор Кузьмич, что правда, то правда. Сидела бы уже замужней и сытой в тепле и слезы лила по девичеству, а мы бы не прятались в подвале, и меня не избили, и Антип был цел, но черт с ним, с Антипом, я себе и девочкам сделала своим благородным безрассудством только хуже.

– Марь-яш-ка! – тем временем разглагольствовала старуха, и я четко слышала шаг – стук – шаг – стук, а потом мне показалось, что кто-то встал на крышку погреба, и я сильнее зажала Акулине рот. – Ах, Марь-яш-ка! Ты чего же удумала, а-а? Злыдня, висельня!

– Ни звука! И не слушайте ее, – горячо зашептала я девочкам. Если мне повезет, они мне поверят. – Она совсем из ума выжила.

Шаги и стук клюки замерли невдалеке, кто-то прошел по

крышке подпола, она явственно скрипнула, и старуха тотчас оживилась.

– Марьяшка! А Марьяшка? Да где ты, мозгля? Тьфу, в хлеву, что ли, в такой мороз? – Старуха прошла к двери, поколотила для острастки палкой по косякам, но вылезать наружу не рискнула. – Марьяшка! А ну поди сюда! Околеешь ведь, дура! Тьфу, тьфу ты, да что будешь делать с этой бабой?

Старуха костерила меня уже на улице, и я выпустила наконец Акулину и прижала к себе младших девочек. Малышка всхлипнула, я погладила ее по голове.

– Бабушка вас, матушка, в свинарню пошла искать, – своим невозможно взрослым голосом проговорила средняя девочка.

Я кивнула, хотя видеть этого никто в такой тьме не мог. В доме есть свиньи, а старуха пустила мои украшения на свадебный стол. Судя по капусте, у меня там были не золото-бриллианты, но как бы мне сейчас пригодилась хоть какая-нибудь завалящая побрякушка!

– А я, матушка, ваше колечко у нее давеча украла. Вы так плакали над колечком, я и украла. Бабушка отвернулась, а я взяла. Это плохо, воровать грешно, но мне вас, матушка, жалко стало.

Мое запястье что-то оцарапало, я цапнула рукой и зажала тонкие девичьи пальчики и что-то металлическое, нагретое от плоти.

– Серафима! – выдохнула возмущенно Акулина, я не дала

ей договорить:

– Цыц! Твоя сестра всех нас спасла! Я предупредила, выдашь нас – все обо всем узнают! Серафима…

Я повернулась к ней, вспоминая, что серафим – это ангел. Может быть, здесь никаких ангелов не существовало, но бесспорно эта девочка была спасителем для всех. Сколько бы это кольцо ни стоило, оно поможет нам продержаться.

На улице заголосил поросенок, опять зашлась в визге старуха. Убедившись, что меня и в свинарнике нет, она призывала теперь Акулину, кормить голодное животное, и я, скрипнув зубами, в который раз процедила «тихо» и надела кольцо на средний палец.

– Симка! Да что же вы, подлые, а? Нарожали вас, выкормили!

– А зачем вы, матушка, с поросенком спали? – спросила вдруг малышка, и я от неожиданности вздрогнула.

– Что, прости? – прохрипела я, ошалело хлопая глазами.

– Дарья! – вскинулась Акулина, забывшись, и я наугад несильно пнула на звук. – Рано тебе знать такое, – добавила Акулина тише. – И матушку о таком спрашивать.

Старуха в хлеву нарочито громыхала ведрами и бранилась на всю округу, полагая, что я где-то неподалеку и совесть меня загрызет. Может быть, на Марьяшу это и действовало, я же озабоченно принялась укутывать Серафиму и Дарью. Малышка была холодна как лед, и я начала растирать ее плечики грубой шалью. Дарьюшка тихонечко попискивала, но

терпела. Прости, солнышко, я знаю, что этот метод так себе, но мне хоть как-то тебя согреть. Прости.

Я спала с поросенком – что она вообще имела в виду?

Поросенок наконец блаженно захрюкал, до нас донеслось злорадное бормотание, пыхтение и какой-то подозрительный плеск. Я замерла, гадая, что старая клюшка еще задумала.

– Вашу постель, матушка, бабушка в бочку с водой кинула, – мне в плечо шепнула Серафима.

Откуда ты…

– Откуда ты знаешь?

– Я видела, – Серафима пожала плечами, и меня от простого жеста, который я разглядеть не могла, но почувствовала, кинуло в холодный пот. Нет-нет, та девочка никакая не… так не бывает. Не бывает нигде. Даже в бреду не бывает. – Той осенью, когда батюшка думал, что вы понесли, а вы не понесли, я видела, как бабушка вас ледяной водой во дворе омывала. И слышала, что она кри…

– Серафима!

– Нет. Пусть говорит, – окоротила я Акулину. – Пусть говорит все, что знает.

– Не знает она, матушка, неоткуда ей знать!

– Знаю, – не споря, без малейшего азарта, так свойственного семейной ругани, повторила Серафима. – Я видела. И слышала. Бабушка матушку проклинала. И мокрую на порог не пустила. В сарай выгнала, к свиньям. Сказала, что пустой

бабе постель с мужем не делить. И постель она матушкину мочила. Я сама видела. Постель сохла потом, а матушка в загоне спала, на соломе. С поросенком.

– Глупости такие, – упрямилась Акулина, но пока она переругивалась с сестрой тихо, я их не пресекала. – Глупости ты говоришь. А в свинарне… ну, спала матушка там, и что? Там тепло. Поросенок большой и добрый.

Я крутила в пальцах кольцо, которое мой маленький ангел вырвал из алчных когтей. Сколько бы оно ни стоило, что бы я ни выручила за него, тебе, малышка, воздастся сторицей. Ты это сделала не из жадности, не из зависти, не из злобы. Ты хотела меня утешить, хотя вряд ли видела от меня, забитой и бесполезной, добро.

– Марьяшка! – раздалось почти над нашими головами, и с грохотом закрылась дверь на улицу. Старуха топталась, отряхивалась, лупила клюкой по всему, что попадалось, по скверной своей привычке. – Куда же ты делась, подлая, а? Я же найду! Я тебя! Выйди лучше сама ко мне, пока я добрая! Выйди, по-хорошему тебя прошу!

Неужели Марьяша выходила? Поддавалась на уговоры, а что потом? Покорно стояла и обливалась слезами, пока старуха издевалась над ней, послушно уходила в хлев и там, свернувшись беспомощным калачиком, рыдала в теплый поросячий бок? Закапывалась в солому, пытаясь согреться? Свинья животное чистоплотное… Хорошо, что коровы в доме нет, с ней бы Марьяше пришлось много хуже.

Старуха поднималась по лестнице, не переставая меня поносить. Я понимала, что опасность временно миновала, и пока не опомнилась Акулина, нужно отправить ее запрягать лошадь. Не хочет – заставлю, вот если не может – сложнее, я никакими пинками ее научить не смогу.

Старая вешалка, чтобы ты свернула себе на лестнице шею, пожелала я. Странно ведет себя старуха, то беспокоится, что я замерзну в хлеву, то морозит меня сама и в тот же хлев выгоняет. То хвалила – как минимум отнеслась благосклонно к тому, что я защитила Акулину, то обещает излупить в кровь. Непохоже, чтобы у старухи крыша ехала, но кто скажет наверняка, а диагнозы ставить я не умею.

Если старуха не всю мою постель закинула в бочку с водой, оставила хоть что-нибудь, поленилась, надо найти то, что сухое. У поросенка разжиться соломой. Нам пригодится все.

Старухины вопли растаяли, и я смекнула, что и Антипа давно не слышно. Последние полчаса я вслушивалась в шаги, стук и крики и сейчас вспоминала, что звон посуды какое-то время еще доносился, но после стих, и я не обратила на это внимания. Антип нашел наливку и дошел до кондиции? Как долго он проваляется, будучи беспробудно пьян?

В любом случае, пока у нас есть фора, нужно отсюда убираться как можно скорее.

– Слышите? – прошелестела Серафима, никто не отозвался, и она повторила отчетливей и настойчивей: – Слышите

будто стук? Тук… тук… Слышите? Маврушка рассказывала, что так тень стучит. Тук… тук…

Мне отчего-то захотелось заглянуть в ее глаза. Казалось, что эта девочка не от мира сего – так, возможно, считали и здесь, полагая Серафиму дурочкой, но безобидной. Я могла рассчитывать на то, что окажусь немного более просвещенной, чем темные купчихи. Серафима точно не дурочка, ни в коем случае, но она совершенно точно по-особому видит мир.

– Тук… – повторяла Серафима. – Маврушка говорила, что тут тень живет. Она и стучит. Кто услышит, умрет. Тук, тук. Слышите?

Дарьюшка так и лежала в моих объятиях, слова сестры то ли не слыша, то ли не воспринимая. Акулина схватила меня за плечо, ойкнула, вцепилась в запястье с такой силой, что я поморщилась.

– Пусть она замолчит, матушка! Что городит!

– Тук.

Стук или нет, но звук определенно был. Глухой и словно сдерживаемый, и я не могла понять, что это. Ни в какие тени верить я не собиралась, всему есть объяснение, и обычно оно или смешное, или страшное. Из того, что я успела под этой крышей испытать, в страшное верилось гораздо охотнее.

Над нашими головами протяжно скрипнула половица.

Это же мой дом, мое приданое, в нем нет опасного ничего и никого, кроме людей, которых сюда не звали. Девочки сби-

лись в дрожащую кучку, я осторожно передала им Дарьюшку, которая проснулась и завсхлипывала, встала и, выверяя каждый свой шаг, пошла к лестнице.

Половица наверху снова скрипнула, опять раздался странный стук, и опять я отмахнулась от него, как от назойливой мухи. Гораздо страшнее сейчас упасть, пусть лестница и невысокая, но мне хватит пары простых переломов ребер. Они проткнут мне легкое, и к утру овдовевший Антип вздохнет с облегчением.

«Он убил». Антип кого-то уже убил – свою первую жену? Мать этих девочек? Маврушку, которая стращала девочек тенью?

Подниматься по ступенькам мне было страшно как никогда в жизни. Дерево казалось влажным, ускользало из разом вспотевших рук, ноги не слушались, я приказывала себе ни о чем не думать – сейчас все кончится, подъем не может длиться вечно, всего пара метров, даже меньше, главное не давать себе паниковать. Наконец я стукнулась головой о крышку и, упершись в нее и молясь всем богам разом, начала ее приподнимать.

Крышка не двигалась ни на миллиметр.

В подвале было холодно, а мне казалось, будто нас заперли в бане, поддают пару все пуще, и я сейчас задохнусь. Мне не хватает воздуха? Плевать, это просто нервы. У меня кружится голова? Она не может кружиться, я ничего не вижу. Давить сильнее, еще сильнее, еще.

Старуха что-то положила на крышку, как прежде Антип? Может быть, но она, скорее всего, про подвал не знала. Наверное, она и не лазила сюда никогда, зачем, когда есть невестка, молодая и проворная, на ней пахать и пахать. Сердце гремело как товарняк, руки дрожали, по лицу стекал пот, попадал в глаза и жег слизистые до слез.

Я не могу крикнуть, не могу позвать на помощь. Нас никто не станет спасать, кому мы нужны, мы обуза, лишние рты, были бы мы Антипу и старухе хоть немного ценны – ладно, моя ценность не помешала никак отправить меня в бордель, но Антип сказал – выкиньте ее в подворотню после. Дура-баба, чтобы мужем неученой быть, сама насмерть замерзла и девок заморозила, так не она первая, не она последняя, мало ли баб да девок в метель мрет?

Врешь, гадина, врешь, я так просто тебе не сдамся! Я толкала крышку изо всех сил, и когда она вдруг невозможно легко выскочила, нога моя сорвалась со ступени, и не иначе как волей какого-то провидения я не завопила и смогла уцепиться за лестницу. От боли в ноге мир сжался до яркой горящей точки, слезы хлынули, смывая едкий пот, и какое-то время я дышала и беззвучно рыдала, а затем поднялась снова и со страхом толкнула крышку.

Если она снова заклинила… нет.

– Серафима, сиди тут с Дарьюшкой, – на выдохе, чтобы не подвел дрожащий голос, велела я. – Акулина, пойдем.

– Куда, матушка?

– Запрягать лошадь. Не ври, что ты не умеешь. Умеешь ты все.

Я откинула крышку, и после мрака подвала темнота дома ослепила. И холоднее было, возможно, из-за того, что старуха держала открытой дверь, пока шастала по сараю. Я выбралась на свободу, осмотрелась, не обнаружила никого и ничего. Девочки что-то шептали встревоженно в подвале, и я зверским шепотом приказала Акулине вылезать.

– Что вы там? – напустилась я на нее, полагая, что Серафима пугала сестер россказнями про тень. – Зачем стращаете друг друга?

– Я, матушка, вас ослушаться не смею, – упрямо глядя в сторону, заявила мне Акулина. – Но телега… она же одна у нас. Как можно?

Я даже не стала отвечать. Не станет кочевряжиться – и славно. Вопросами морали занимается другое ведомство, если оно тут есть, а не я. Моя задача – дожить до утра самой и спасти девочек.

– Куда ты? – зашипела я, заметив, что Акулина направилась к лестнице, ведущей в комнаты.

– Ключ взять, матушка.

Меня подмывало спросить, где он, да и зачем запирать на ключ конюшню – впрочем, насчет зачем я догадывалась. Были ли здесь крепостные, есть ли сейчас, но во все времена хорошая лошадь ценилась выше бесправного раба. Конокрадам в такой глуши, как наша, должно быть, раздолье.

– Возьмешь и сразу в конюшню иди.

Если эта дурочка не наткнется на Антипа или старуху, то не получит противоречащий моему распоряжению приказ. Будем надеяться, что не наткнется и не получит, а если что-то пойдет не так, стану действовать по обстоятельствам. Я очнусь, ведь когда-нибудь я очнусь, не может быть такого посмертия, соберу команду из самых крутых спецов и дам им задачу создать игру. Назову ее «Совесть», и нравится кому-то мораль или нет, а пусть игрок попробует выжить, играя не по своим, а по навязанным правилам. И никакой магии, никакого сохранения, попытка будет только одна.

Сарай – хлев – был один, приземистый, довольно большой, крытый почерневшей уже соломой, хотя местами кто-то, может, даже сама Марьяша, заделал прорехи соломой свежей. Уютно хрюкал поросенок, и я не удержалась, приоткрыла дверь.

Радостный визг меня оглушил и перепугал до икоты. Не то чтобы я много видела свиней, но это был подросток, крупный, почти созревшая самочка, и она была рада меня видеть. Черт возьми, свинья тебе товарищ, Марьяна, и это камень не в твой огород и тем более не в поросячий.

– Тише, тише, тс-с, моя хорошая, – негромко затараторила я, протягивая к свинке руку. Про то, что милейшее создание способно мне эту самую руку откусить, я постаралась не думать. – Тише, пожалуйста, не визжи. Иначе ты меня погубишь.

Акулина не соврала, хрюшка действительно была донельзя ласкучая, едва я поскребла короткими ногтями по морде, она счастливо заурчала, как двигатель иномарки, а потом преспокойно вернулась к еде. Я посмотрела на толстенький зад с задорно завернутым хвостиком и пообещала себе и ей, что не позволю пустить ее на мясо. Что бы там старуха с Антипом ни планировали, моя прелесть будет регулярно приносить мне много отличных поросят.

Лошади тут не было, не было даже кур, хотя подобие курятника я рассмотрела. Только потемневшие, старые перья и кое-где кусочки скорлупы. В загоне, где умиротворенно урчала хрюшка, я заметила драную наволочку, набитую торчащей из прорех соломой, и что-то похожее на истлевший мужской тулуп. Вот и все, что осталось от твоей постели, Марьяша.

– Где лошадь, моя хорошая? – спросила я у хрюшки, она только коротко всхрюкнула и переступила копытцами. – Ладно, сама найду.

Я вышла на улицу и прикрыла дверь свинарника. Лошадь должна пахнуть и издавать какие-то звуки, думала я, осторожно ступая вдоль сарая. Под пальцы подвернулась ручка, я ее потянула, заглянула в темноту, всмотрелась, поняла, что это все тот же курятник-свинарник, но с другой стороны. Я закрыла дверь, оглянулась на дом. Ни огонька, ни дымка.

И тишина, словно все разом вымерло. И я ясно осознала, что совершенно иначе выглядит мир полтора века назад.

Другой воздух – такого я не встречала нигде, объехав всю необъятную родину от Балтийской косы до Камчатки и от Териберки до раскатов Каспия. Так не пахло ни в Токио, ни в Мачу-Пикчу, ни в хоббичьей деревушке на очаровательном зеленом острове, ни на белом безмолвном побережье Антарктики. Сто пятьдесят лет назад были другие звуки. Все еще природа, а не человек, властвовали над миром, но уверенно, день за днем, самый опасный и жестокий хищник завоевывал себе территории на земле, в море, в воздухе.

Сыч кричит вдалеке, а может, другая птица. Под ногами шуршит листвой кто-то мелкий ночной. Шелестят чьи-то крылья – небольшие, но сильные. Пахнет тварями, ночь темна, и ничуть не страшно то, что я не знаю. То, что я уже успела узнать, пугает куда сильнее.

Знакомое фырканье я различила внезапно и почти сразу нашла дверь в конюшню, и она оказалась не заперта.

Следующие пару минут, потому что Акулина, паршивка, не торопилась, я отводила душу, тихо и нецензурно ругаясь себе под нос. Доставалось мне лично, потому что никому из девочек в голову не могло взбрести, что Марьяша рассчитывает обнаружить что-то иное. Марьяша, которая настоящая, несчастная, избитая, поруганная Марьяша, у которой всю жизнь никакого просвета, знала, конечно, что вместо лошади увидит нечто, что даже клячей язык не повернется назвать. Ясно, почему дверь открыта, сводить со двора несчастное существо никто бы не стал, но денник у лошади на за-

вись любому доброму помещику, словно и не Антип был хозяином, клячонка моему мужу чем-то дорога.

Неподалеку так неожиданно забряцал металл, что я зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Шагов Акулины я не слышала, зато сейчас до меня донеслось и уверенное конское ржание, и глухой скрип двери.

– Матушка, что вы тут? – позвала растерянная Акулина, появляясь в дверях. От облегчения я должна бы подобреть, но куда там.

– Тебя только за смертью посылать! – припечатала я, налетая на девчонку и заталкивая ее в дверь по соседству. Вот и вполне рабочая лошадь, и крепкая на первый взгляд телега, и какое-то снаряжение на стене, выглядит это все вместе как головоломка, но время есть, справимся. – Что так долго? Что старуха, Антип спит?

Акулина смотрела на меня исподлобья со странной улыбкой, взгляд ее был пустым, но счастливым, и казалось, будто она сошла с ума.

– А батюшка умер, – просто сказала она, и огромный амбарный замок, державшийся в пазу на честном слове, с оглушительным грохотом рухнул на землю, таща за собой бесконечную цепь.

Глава пятая

Смесь беспримесного восторга, облегчения и смутного стыда за радость от чьей-то смерти. На моем пороге топчутся кредиторы, коллекторы и судебные приставы, потирая алчные руки, и их с криком расталкивает нотариус, потрясая завещанием неизвестного мне богатого дядюшки из Америки.

Антип мог умереть от десятка причин, и это значило, что ни мне, ни девочкам больше нет нужды убегать. Он очень вовремя умер, Антип, как по заказу, если Акулина не ошиблась, если не пытается сейчас по непонятной причине соврать и ввести меня в заблуждение.

– Умер, – неуверенно переспросила я, всматриваясь в шалое лицо девчонки. С нее сталось бы с самой прибить батюшку, но тогда его тело еще остыть не успело. Может быть – может быть! – я помогла муженьку отправиться на тот свет, но младшие девочки были со мной все это время, никто из них, даже если предположить невероятное, не мог уложить Антипа в гроб.

Акулина могла, но лишь в этот короткий промежуток времени, так да или нет?

– Умер, – повторила я, с шумом втягивая воздух сквозь зубы и оглядываясь на лошадь. – А что старуха?

Акулина пожала плечами, и в ее глазах бушевало тихое помешательство. Лошадь призывно заржала, Акулина с де-

белой улыбкой подошла, стала гладить ее по шее, беззвучно шевеля губами, и я решилась. Наверное, мне лучше бежать прямо сейчас, не раздумывая, без оглядки, но в подвале коченеют дети, а в относительно теплом доме лежит хладный труп моего мужа, когда все должно быть наоборот.

Я негромко велела Акулине идти в дом, но, как показалось, она не расслышала, а уговаривать ее мне было недосуг. Ноги не слушались, словно я их беспощадно отсидела, холод щипал тело, мыслей не осталось никаких. Я панически боялась позволить себе думать до того, как что-то увижу своими глазами.

Приедет доктор, приедет полиция, начнутся допросы. Купцы припомнят, что я умоляла забрать меня и девочек из этого дома, на теле Антипа найдут синяки и могут определить их как прижизненные, старуха покажет на меня. Патовая ситуация, но доказать мою вину не смогут, а я не признаюсь, даже если будут пытать. Старуха врет, из ума выжила, кочерга старая, взгляните на меня, на мне самой живого места нет, когда и как бы я могла побить такого громилу. И девочки, девочки подтвердят, что мы все вместе сидели в подвале.

Или наоборот, Акулина соврет полиции, глядя своими обезумевшими глазами, и ей, скорее всего, поверят. Едва не дав себе от досады пощечину, я распахнула дверь, вбежала в дом, поразилась мертвой тишине и тому, что как никогда «мертвая» было справедливым.

– Серафима, Дарья! – позвала я, дергая крышку погреба, и казалось, что проклятое дерево проросло, пустило корни, и мне уже не вытащить малышек из западни. Спустя вечность я наконец справилась, и от адреналина было жарко, как в аду, и стыло, как в водах Ледовитого океана. – Выходите! Давайте, осторожнее, выходите и бегите к себе! Без разговоров! В комнату, и сидите там, пока я не позову!

Антип ведь не мог забрести в комнату дочерей и там умереть, правда? Ведь не мог? А мне нужно перехитрить обстоятельства.

– Антип! Антип, конюшня открыта! – перепуганно заорала я, радуясь, что страх играет мне на руку и я могу дать ему выход, получив огромное преимущество. – Антип! Воры забрались!

А не могли воры забраться в дом? На них бы наткнулась Акулина, но кто сказал, что нет, и, может быть, пока я нежничала с поросенком, они обо всем договорились. От девчонки, которая заявляет о замужестве, не имея за душой ломаного гроша, ожидать можно многого. Ей нечего терять, как и мне.

– Антип! – крикнула я, вбегая в зал. Муж сидел в столовой, на стуле, спиной ко мне, и я опять запоздало прокляла все на свете. Я поверила Акулине, она и тут могла мне соврать, я подойду ближе, и тогда несдобровать мне за все, что я успела за этот день сотворить. – Антип?

Он все еще не шевелился, я сделала крюк, взяла кочергу. Увидит старуха – впрочем, семь бед, один ответ, и перед

смертью не надышишься. Издалека Антип на покойника не похож, стало быть, Акулина подходила к нему и всматривалась, и я сейчас подойду, и если мне повезет, то Антип действительно окочурился. Если не повезет мне – а можно ли дважды умереть за один день?

Я встала в дверях столовой, сжимая кочергу и почти не дыша. Появится старуха – скажу, что воры, да и сама она мой крик уже слышала. Пахнет кислятиной и паршиво приготовленным мясом, стертые половики скрадывают шаги, сердце замерло, отказываясь биться. Я шла, словно на эшафот, и не знала, какой исход для меня благоприятен.

Но Антип был мертв, и подходить ближе было бессмысленно. Открытые и уже начавшие тускнеть и западать глаза, отвисшая челюсть, голова запрокинута, руки повисли вдоль тела. Я сглотнула, поставила кочергу и, преодолев брезгливость, приблизилась и заглянула Антипу в лицо. Вот он, мой кошмар, осталась одна оболочка, и если его легонько толкнуть, он свалится прямо под стол.

Я подавила это желание, гадая, даст ли экспертиза однозначное заключение о его ушибах и от чего он умер. Меня же не обвинят, это ведь невозможно, или?..

Или Акулина ошиблась, сказав, что батюшка умер. Что с нее, дурочки, взять, особенно после сегодняшнего потрясения, еще и мачеха потащила сначала мерзнуть в подвал, а после в ночь на улицу гнать вознамерилась. С такой дурной семейкой немудрено рассудком тронуться, ухмыльнулась я,

оборачивая салфеткой графин, где еще что-то плескалось. Я не была уверена, что дактилоскопия тут существует, но к чему лишний риск, когда так легко обмануть несведущих?

Остатки какой-то крепкой алкогольной жидкости я наплескала на скатерть и одежду Антипа, вернула графин на место, а потом несильно толкнула тело, и оно на удивление бесшумно, как мешок, сползло на пол и угнездилось возле стола. Стараясь не дышать и вслушиваясь в каждый звук, я обошла стол, осматривая тарелки с остатками присохшей трапезы, капустную лапшу на скатерти, куриные кости. Купцы, когда до них доберутся, покажут, что они ели, может, вспомнят, как старуха побиралась в столовой после, ну а я ничего не стала убирать, потому как супруг дюже злые на меня были и под горячую руку ему соваться мне был не след.

Утром его тело найдет кто-то еще, или старуха, или незваный гость. Время сотрет то, что могло бы указывать на меня, а свидетели ошибаются, их слово против моего, могу же я тешить себя надеждой, что мне поверят ровно настолько, насколько и остальным.

Я забрала кочергу, прикрыла дверь столовой, вернула кочергу на место и заторопилась на второй этаж.

Старуха непритворно всхрапывала, я постояла, послушала, удостоверилась, что она спит. Пусть не так крепко, как хотелось бы, и наверняка она просыпается с петухами, встанет и будет орать, что я не прибралась и меня за лень прибить мало. Я потопталась в коридоре, тихонько позаглядывала в

двери в поисках своей комнаты, ощутила озноб, вспомнила, что я вся в крови и в рваном платье. Дверь комнаты девочек была приоткрыта, там мелькал еле заметный огонек свечи, я потрясла головой, приходя в себя, и пробежала по коридору до двери.

Серафима уже спала, Дарьюшка сидела на кровати, поджав ножки, Акулина стояла и заплетала косу. Я вошла, поманила ее, жестом показала, что надо задвинуть комод. В темноте выражения лица Акулины я толком не видела, но, как мне показалось, она уже немного пришла в себя.

– Дурная, – проворчала я, кашляя от напряжения – комод был тяжелый, Акулина, дрянь такая, силу не прикладывала, двигать его приходилось в одиночку. – С чего взяла, что Антип мертвый? Пьяный он мертвецки, что есть, то есть… Давай, двигай, одной мне не справиться!

Акулина надула губы и ничего не ответила, даже не пожала плечами. Я решила, что лишний раз не нужно тыкать палкой в этот паршивый улей, и негромко отругала ее за показную слабость. Но дверь мы задвинули, и я кивнула ей на кровати.

– Холодно, – почти простонала я, – вместе ляжем. Одеяла неси.

Холодно, голодно, бесперспективно, что-то ждет еще завтра с утра, думала я, пытаясь устроиться на узенькой жесткой кровати рядом с Дарьюшкой. Акулина легла с Серафимой, потому что на три кровати теперь не хватало одеял, и

была соседством с сестрой, как я поняла, не особо довольна, но возражать не стала.

Я вдова, и об этом пока никто не знает – не стоит учитывать Акулину, с ней я разберусь, старуха намного опаснее. Я имею прямую выгоду от смерти Антипа, и остается уповать, что малограмотное следствие запутается и ничего не найдет.

Холодно, голодно и, пожалуй, почти безнадежно. Я слушала ровное дыхание Дарьюшки, невнятный шепоток Серафимы, иногда доносилось хрюканье свинки в сарае и вой ветра, но ни крика, ни тяжелых шагов, ни ругани. Я надеялась, что завтрашний день что-то поправит, и уснула, не до конца понимая, что что-то в моей жизни не задалось.

Старуха вставала раньше петухов, потому что ее гневный вопль я услышала раньше, чем кукареканье.

– Марьяшка! А, ленивая паскуда! Дом с вечеру не убрала!

– Лежи и спи, – шепотом на ушко велела я зашевелившейся Дарьюшке, и не то чтобы я торопилась вылезать из-под теплого одеяла сама. – Никто сюда не придет. Спи.

Старуха продолжала верещать, стучала палкой, Акулина подняла голову от подушки, и ей я тоже приказала спать. Не проснулась одна Серафима, странная, не от мира сего девочка, но, может, так в принципе проще жить – ничего не видя, ничего не слыша, мало что принимая во внимание.

– Я твое платье надену, – пояснила я Акулине в ответ на ее изумленный взгляд, едва я, стащив с себя свою рванину, полезла шарить в шкафу. Моя бесцеремонность ей не понра-

вилась, она скривилась, но ничего не сказала и отвернулась, очевидно, решив, что раз я позволила им всем дрыхнуть, то лучше не лезть на рожон, а то погоню и в сарай, и еще на какие работы.

Не то чтобы я думала о каких-то работах вообще. Старуха доползет до столовой, увидит мертвого сына и…

– Марьяшка! А, висельня! А ну подь сюды!

– Спать! – рявкнула я на заворочавшуюся Серафиму, пытаясь натянуть на себя платье. У меня не было никаких сомнений, что это все чьи-то обноски, отдали люди добрые от сердца девкам-нищенкам, причем, судя по шнуровке спереди, платья принадлежали прислуге… Какая же нужда заставила Марьяну выйти замуж за такую перекатную голь, как Антип?

Что-то маленькое и невесомое свалилось на пол и запрыгало, первой мыслью было отмахнуться, потом я вспомнила про кольцо, которое отдала мне Серафима, не бог весть что, продашь – не разжиреешь, но каждая копейка на счету, и я шлепнулась на колени, внутренне воя: старая карга горло дерет, сейчас наткнется на Антипа, пол ледяной, а я не могу бросить это кольцо, но, к счастью, я нащупала его практически сразу, повертела в пальцах, скрипя зубами от досады. Я опять потеряю кольцо, исхудала так, что оно на пальце не держится. Взгляд упал на бесхозную ленточку, я сдернула ее, продела в кольцо и надела ленту на шею.

– Марьяшка! Да что тебя, подлюку, лупить как козу сидо-

рову? А отлуплю!

Пока я одевалась, жутко замерзла и сбегала вниз, пыхтя на озябшие руки. Старуха все вопила, но без азарта, больше для того, чтобы всех перебудить, и мне это казалось подозрительным. Антип же был мертв, он не мог очнуться, встать и уйти спать? Или мог?..

– Ах, дрянь-то какая! – обрадованно встретила меня старуха. Ради разнообразия она была в некогда белой рубахе и белом же халате, но сейчас черт разберет, что за цвет – все в желтых пятнах, наверное, чай пролила или руки вытирала. Ну да, ну да, старуха подошла ближе, и я еле удержалась, чтобы не зажать нос. – Чегой морду воротишь, а, подлая? В глаза мне смотри, выбесок! А? Я кому сказала – в гла…

Может, она и надеялась начать утро с того, что взгреет меня своей палкой, но я послушалась, взглянула ей в лицо, и старуха захлебнулась. Постояла, сжимая палку, и отступила на пару шагов, вспомнив, наверное, что вчерашняя Марьяша ей не пригрезилась и это лихо лучше повторно не будить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.